

С. В. ШТЕРН

ГОЛЛАНДИЯ

БЕЗ ВРАНЬЯ

• **ЗАГРАНИЦА БЕЗ ВРАНЬЯ** •

Заграница без вранья

Сергей Штерн

Голландия без вранья

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Штерн С. В.

Голландия без вранья / С. В. Штерн — «РИПОЛ Классик»,
2013 — (Заграница без вранья)

Увидеть Голландию глазами умного человека – дорогого стоит. Сергей Штерн, писатель и переводчик, много лет живущий в Швеции, в каждой строчке этой книги ироничен и искренне влюблен в страну, по которой путешествует. Крошечная нация, поставленная Богом в исключительно неблагоприятные условия выживания, в течение многих веков не только является одной из самых процветающих стран мира, но и служит образцом терпимости, трудолюбия и отсутствия национальной спеси, которой так грешат (без всяких на то оснований) некоторые другие страны. К тому же голландцы – вполне странные люди: они живут ниже уровня моря, курят марихуану, не вешают занавесок на окнах и радостно празднуют день рождения королевы. А еще, они тот редкий народ, который все еще любит русских и нашего энергичного царя Петра...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Штерн С. В., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Познание – это припоминание	6
Долго запрягаем, быстро ездим	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Викторович Штерн

Голландия без вранья

Посвящается моим спутникам: Альберту – по причинам, которые читатель легко поймет, прочитав книгу, и моей жене Тане – по причинам, понятным и без чтения.

© Штерн С. В., 2013

© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

Познание – это припоминание

Под этой рубрикой скрывается предисловие. Я не хотел называть его предисловием, потому что оно, как и все другие предисловия, было написано потом. Так что это, строго говоря, послесловие, помещенное в начале и названное предисловием.

Вообще говоря, у автора и мысли такой не было – писать путевые заметки, да еще такие длинные. А мысль была вот такая: усвоить наконец европейский позитивный взгляд на окружающие нас неодушевленные предметы.

Что делает, к примеру, европеец, приезжая в Альпы? Он тут же в ближайшем альпийском ларьке покупает открытку. Даже не одну, а несколько открыток – на некоторых горы там, снега, фиалки-эдельвейсы, а на других птички поют, насекомые чирикают, весело собирают мед для вечерней трапезы. Покупает он эти открытки, пишет на каждой: «Привет, дескать, из Альп. Чего и вам желаю!» – и посылает своим знакомым.

А попадет на Ниагару – пожалуйста, просит случайного прохожего сфотографировать его с женой на смотровой площадке. А рядом с ним, в метре каком-нибудь, низвергается всемирно известный водопад, обдавая его солеными брызгами. Или, виноват, брызги, кажется, пресные. И вот он, не сходя с этой самой смотровой площадки, моментально пишет: «Нет, вы только обратите внимание, какое величественное и неукротимое явление природы». И это очень правильно – таким разумным и позитивным отношением к природе он придает себе сил для дальнейшей борьбы с окружающей его средой. Ну и за существование, конечно.

А у нас немного не так. Вот, например, съездил знаменитый русский поэт-сатирик Саша Черный в Финляндию и написал:

*Был на Иматре. – Так надо.
Видел глупый водопад.
Постоял у водопада
И, озлясь, пошел назад.*

Кто бы мне ответил – чем ему водопад не угодил? И с каких щей он озлился?

Эту характерную черту русского характера подметил еще наш гениальный поэт Александр Сергеевич Пушкин, вложив в уста разочарованного Онегина следующие слова:

*...Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.*

Наверное, Саша Черный, добираясь на извозчике до водопада, надеялся, что при виде падающей воды его посетит какое-нибудь откровение, что ему откроется смысл жизни или что-то в этом духе. Поэтому он постоял у водопада, подождал – и, не дождавшись никакой национальной идеи, почему-то озлился и пошел назад. К извозчику.

И Онегин, наверное, тоже, хотя там немного по-другому: он так пренебрежительно отозвался о луне, чтобы унижить этим Ольгу Ларину («Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна...»). Но все равно, луна здесь ни при чем, потому что она – явление природы, и особого ума от нее ждать не приходится.

А вот что касается национальной идеи, то это другой вопрос. Автор не очень хорошо понимает, что это такое, но одно несомненно. Это – опасная штука. То есть так-то, конечно, может быть, и ничего опасного, но история показывает, что чуть не все страны, заразившиеся бациллой национальной идеи, довольно быстро исчезали с исторического горизонта. Особенно если эта самая национальная идея подразумевает, что мы умные, а все дураки.

И тут автор, отвлекшийся на разные цитаты из классиков, вспомнил, ради чего он это сделал – как раз именно ради национальной идеи. Потому что в стране Нидерланды ему впервые пришлось увидеть и осознать национальную идею другого рода. Вернее, ее даже и национальной-то назвать трудно, потому что Нидерланды, как и большинство европейских стран, давно уже не являются местом, где живет нация голландцы. Индонезийцы, негры, евреи составляют значительную часть населения и с большим энтузиазмом и пониманием эту национальную идею разделяют. Или лучше назовем ее народной. Эта народная идея – вопрос выживания.

А в России сейчас о национальной идее говорят все кому ни лень. Вот, дескать, страна без национальной идеи обречена на вырождение, и если у нас такой идеи нет, надо ее немедленно придумать.

А это вообще возможно – придумать или, еще того чище, разработать национальную идею?

Мне кажется, что лучшее определение национальной идеи дал когда-то Владимир Соловьев: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

И что это значит? А вот что: по-видимому, все те, кто со знанием дела рассуждает о национальной идее и предлагает немедленно ее сконструировать, каким-то образом получили доступ к божественному замыслу, и им осталось только разъяснить этот замысел всем, кто по каким-то причинам не успел с ним познакомиться.

И вообще, как можно сконструировать национальную идею? Конечно, вполне можно себе представить, как какой-нибудь политолог или гимнописец меряет шагами кабинет и мучительно ее формулирует. Но это же так трудно! Например, я вычитал список требований к национальной идее, созданный ее апологетами. Там тридцать два пункта!

Не много ли? Согласитесь, трудно представить себе внятно сформулированную национальную идею, удовлетворяющую тридцати двум требованиям. Ближе всех к ней, по-видимому, подошел некто, кто изобрел суверенную демократию. Но и тут нужен Михалков, чтобы уложить «суверенную демократию» в размер гимна. «Ты, демократия, ты, суверенная...» И что же это такое? Если слово «демократия» и переводится как власть народа и толкуется как власть большинства, то суверенная демократия, очевидно, предполагает власть какой-то другой, более суверенной группы населения. К тому же суверенная демократия, похоже, удовлетворяет разве что тридцатому пункту («быть приемлемой для власти»), а вот что касается пунктов 17 («иметь зарубежные аналоги»), 21 («быть содержательной и умной»), а особенно пункта 19 («быть понятной и ребенку»), возникают большие сомнения. Этот оксюморон – «суверенная демократия» – и большинству политологов-то непонятен.

И как это, интересно, господа конструкторы национальной идеи представляют себе жизнь после ее внедрения? Сейчас-то ясно: просыпается среднестатистический гражданин России в каком-нибудь Котоврасе или Малопердянке – и сразу к телевизору: а что, не открыли еще национальную идею? Корова не доена, сарай развалился, надо бы курей еще покормить... но без национальной идеи рука не поднимается. Телевизор работает – и ладно. Сарай подождет до завтра. Завтра наверняка откроют.

Тут автору кажется, что в ходе всех этих рассуждений он неожиданно для себя приблизился к формулировке национальной идеи.

«Починим сарай!», например. Или вот: «Будем соблюдать технику безопасности!» Это тоже очень важная идея, потому что такие события, как Чернобыль или Саяно-Шушенская катастрофа, вполне могут сделать любую национальную идею неактуальной.

Нет и не может быть национальной идеи, которая объединила бы гуманизм и культуру с пещерной дикостью и оголтелым стяжательством...

Так что попытка понять, каким образом страна Нидерланды, обиженная природой и Богом, живет без ясно сформулированной национальной идеи, стала одной из причин, почему я решил написать эти заметки. И конечно, была еще одна причина – Альберт Йоганн Бурман.

Альберт: Слава богу, ты хоть правильно называешь страну – Нидерланды. Как это будет по-русски – Низины? Голландия – это всего лишь западная, приморская часть Нидерландов. Называть Нидерланды Голландией – примерно то же самое, что называть Россию Московией.

Откуда он выкопал это слово – «Московия», ума не приложу. Оно, по-моему, встречается только в учебниках истории. Не знаю. Зато знаю совершенно точно, что, если бы не Альберт, чей ворчливый комментарий вы только что слышали, этой книги бы не было.

Альберт Бурман заслуживает, как мне кажется, специального описания. Он высок ростом (что-то около ста девяноста сантиметров), широк в кости, хотя и худощав. Здоровенные руки и ноги в башмаках сорок шестого размера вполне соответствуют крупной, с роденовской щедростью вылепленной голове с редующими седыми волосами.

Я никогда не встречал человека, который бы настолько не обращал внимания на одежду и при этом умудрялся выглядеть так элегантно. Он, к примеру, надевает сорочку, не глаженную ни разу с момента ее приобретения где-то в середине шестидесятых, накидывает светлую бесформенную куртку, небрежно повязывает длинный красный шарф – и перед вами... ну, скажем, крупный (в буквальном и переносном смысле) режиссер. Или поэт эпохи Возрождения. Его феноменальная образованность странным образом не противоречит совершенно авантюренному складу характера; глядя на него, я всегда вспоминаю прустовского Блока: «Я охотно ввел бы в употребление курение опиума или ношение малайского кинжала, но мне совершенно неизвестно употребление часов и зонтика, этих бесконечно более пагубных инструментов».

Альберт: По этому поводу хорошо сказал Лафонтен: «Льстецы живут за счет тех, кто их слушает!»

Вообще говоря, я и не собирался ему льстить.

Является и возмущенно швыряет с порога утреннюю газету:

– Ты читал? Черт знает что! Я уже написал письмо в редакцию.

Не уверен, что из этого описания понятен возраст Альберта. Ему за восемьдесят.

Он родился, вырос и получил образование в Голландии, но последние сорок с лишком лет живет и работает в Швеции. Альберт Бурман – профессор-психиатр, хотя ему следовало бы стать историком или на худой конец, лингвистом. Сам он объясняет выбор профессии тем, что в конце тридцатых годов, когда уже было ясно, что война неизбежна, он предпочел специальность, позволяющую, даже служа в армии, не стрелять в себе подобных.

Рассказы Альберта о стране Нидерланды, ее географии, истории позволили нам увидеть несравненно больше, чем мы могли, если бы не было этой подготовки и его постоянных пояснений. А увиденное оказалось настолько интересным и поучительным, что я не мог удержаться, чтобы с помощью этих заметок не привести в порядок хотя бы свои собственные мысли о Нидерландах, на протяжении нескольких веков игравших ключевую роль в истории Европы.

И о национальной (народной) идее, без которой этой страны на карте мира не существовало бы вовсе.

Почему? Автор надеется, что, прочитав эти заметки, читатель поймет почему.

У Альберта есть привычка рассказывать об исторических событиях так подробно и с такими интимными деталями, как будто вся человеческая история разыгрывалась в соседнем дворе, а он наблюдал ее с крыши.

Вдруг заявляет:

- Вот здесь стояла испанская армия. Мы смотрим на него, ожидая продолжения.
- Нет, – припоминает он, – не здесь. Вон у той рощицы.

Познание – это припоминание. Вот до чего додумался Платон. Глядя на Альберта, мне кажется, что он и в самом деле, как теперь говорят, «в той жизни» видел этих простуженных испанских пехотинцев в заплесневелых от постоянной сырости латах.

По правде говоря, я долго не мог уразуметь, что именно имел в виду великий грек, пока года два назад не попал в заповедник Тимна в пустыне недалеко от Эйлата – тот самый, где когда-то были знаменитые копи царя Соломона. Я вышел из машины, огляделся – и припомнил. Это было отчетливое, может быть, впервые в жизни *настолько* отчетливое дежавю.

Мертвые, подернутые патиной медного колчедана холмы, изжелта-белые выветрившиеся скалы, напоминающие гигантские черепа, и иссушающая, никогда ранее не испытанная жара. Когда мы уже уезжали, в маленьком оазисе у искусственного озера термометр под навесом показывал пятьдесят два градуса – в тени. Сколько же было на солнце, под которым мы вышагивали не менее трех часов, то и дело прикладываясь к бутылке с горячей минеральной водой?

Но я точно был здесь – забираясь на холм, я уже знал, какой ландшафт передо мной откроется. Эта скала в форме гриба – я видел ее раньше, вон та куча камней – это же тогда была печь для выплавки меди, я знал это еще до того, как мы подошли и прочитали информацию на табличке. Тогда в ней был такой жар, что нельзя было подойти ближе чем на двадцать... локтей? Не знаю, чем измеряли расстояние в древней Иудее, но почти уверен, что локтями, иначе не выскочило бы так легко и естественно это слово.

Голос предков?

Что же там есть, в этих пыльных сундуках нашего мозга, где, по-видимому, хранится накопленная тысячелетиями и неподвластная времени наследственная память, то, что у животных весьма приблизительно называется инстинктом? Мы забыли свои инстинкты, мы не знаем, какие усилия надо предпринять, чтобы вызвать в памяти картины минувших веков. И возможно ли это вообще?

И что произошло в парке Тимна – может быть, доисторическая, никогда ранее не испытанная жара притупила бдительность моего так называемого *эго* – пограничной контрольно-пропускной полосы, отделяющей сознательное от диковатого и наверняка абсолютно асоциального подсознательного? То есть это самое *эго* попросту перегрелось, и из темных глубин подсознательной памяти начали медленно и беззвучно, как сомы из омуты, всплывать картины какой-то давно прожитой жизни, навечно закодированной предками в генах моего рода.

Похоже, эти самые предки плавил медь на копиях царя Соломона. Вот так номер!

Несмотря на жару, меня охватил озноб. Казалось, горячий, насыщенный тонкой песчаной пылью воздух тоже дрожит от волнения. *Аба, рахем на!* Отец, я все помню!..

Или еще одно воспоминание – кто-то огромный, с неразличимыми чертами совсем рядом. Мне видны только руки – пальцы совершают ритмические движения, как будто заводят механические часы.

Я всегда думал, что это одна из тех ранних картинок памяти, которые всегда сомнительны, например купание шестимесячного Льва Толстого в ванночке. Тем не менее сцена эта долго не давала мне покоя – в конце концов я решил, что это была, скорее всего, моя мама: она, наверное, скручивала ватный тампон, чтобы прочистить младенцу уши, нос или что-то там еще, что засоряется у младенцев. Но сравнительно недавно, в очередном сюрреалистическом сне, я вдруг понял – это было гораздо раньше, еще задолго, очень задолго до того, как я плавил медь в иудейской пустыне. Это был Он – закручивал длинные и вялые, как спагетти, молекулы моей ДНК в изящные двойные спиральки! Шутка сказать... Проснувшись в задумчивости, я

сказал вслух: «А, ерунда». Конечно, ерунда, бывают же такие замысловатые сны, а все же – вдруг не ерунда?

А предки Альберта – кто они были? Крестьяне? Ученые монахи? Морские пираты? Отец его был директором сельской гимназии. Конечно же можно объяснить его необычайную эрудицию просто пылким (и к тому же привитым) интересом к истории человечества и вообще к гуманитарным наукам, в частности к языкам. Кому еще придет в голову выучить штук пятнадцать европейских языков, включая такие экзотические, как финский, венгерский и даже немного иврит! Но мне кажется, что здесь присутствует и та самая таинственная наследственная память, о которой я только что упоминал.

Вообще, Альберт – один из немногих, кто замечает историю. Обычно люди историю не замечают – слишком коротка для этого человеческая жизнь. Как правило, человек начинает присматриваться к событиям прошлого, когда у него возникает недовольство окружающим миром. Правда, дальше неприятных аллюзий дело обычно не идет. Вот, мол, смотрите, уже и раньше человечество сталкивалось с подобными пакостями, и вот к чему это привело. А профессиональные историки, даже самые прозорливые, просто делают вид, что не замечают сегодняшней истории, чтобы не наживать на свою голову неприятностей. Когда еще в глубокие застойные времена у замечательного петербургского историка Валентина Семеновича Дякина спросили, каким образом ему, занимаясь первыми десятилетиями двадцатого века в России, удается балансировать так, чтобы не навлечь на себя гнев властей, он мрачно ответил: «Не позже февраля и не левой кадетов».

А Альберт не просто замечал историю. Он постоянно в нее ввязывался. Например, его военная биография началась с того, что он на четвертый день войны сбежал с приятелем из классического интерната. Ранним утром они, предусмотрительно смазав дверные петли (пригодилось чтение приключенческих романов), бесшумно выбрались в сад. В сарае лежали заранее припрятанные велосипеды. План был таков: добраться до самого западного побережья страны, обменять велосипеды на лодку и, проскользнув мимо немецких кордонов, присоединиться к английскому флоту. Для этого надо было проехать на велосипедах пол-Голландии, но и это их не смутило: по дороге они собирались заезжать к родителям своих соучеников, передавать им привет от их детей – кто откажет доброму вестнику в миске картошки и ночлеге! Самое удивительное, что план их почти удался – они проехали несколько сот километров, раздобыли лодку и пустились в путь. Уже маячил какой-то корабль на горизонте (неужели английский?!), уже чертили небо чайки, уже так была близка цель, но тут начался отлив, и лодка с мальчишками за какие-то полчаса очутилась на бесконечной песчаной отмели, и лишь где-то вдали поблескивало желанное и недоступное море. Измученные и голодные, ребята добрались до ближайшей деревни...

Вообще, Альберт был участником исторических событий, не менее, а может быть, и более драматических, чем те, о которых он рассказывал нам во время поездки, – он был борцом голландского Сопротивления, принимал участие в спасении евреев от нацистов, угодил в немецкий лагерь и чудом уцелел. Государство Израиль удостоило его звания праведника – человека не еврейского происхождения, спасавшего евреев во время холокоста. В его честь посажено дерево в музее «Яд Вашем» в Иерусалиме, его имя высечено на камне...

И еще об Альберте. Он – идеальный товарищ по путешествиям, веселый, неприхотливый, легкий в общении, покладистый... правда, только до тех пор, пока ему не кажется, что он знает направление, куда идти, но этого он не знает никогда, хотя и не хочет признать...

В заключение автор хочет попросить у читателя прощение за то, что в книге встречаются неизвестные ему имена и фамилии моих друзей и знакомых. Это легко объяснить: первоначально заметки были адресованы тем, кому эти имена хорошо известны. Сначала я подумал,

не стоит ли дать подробные разъяснения, кто есть кто, но в конце концов решил – пусть останется все как есть. Пусть незнакомый с моими друзьями читатель воспринимает их так же, как в гоголевском «Ревизоре» «...сестру Анну Кирилловну, которая приехала к нам со своим мужем, и Ивана Кирилловича, который очень потолстел и все играет на скрипке...». Эти таинственные персонажи из письма родственника городничего никогда больше в пьесе не появляются и никакого влияния на развитие интриги, как известно, не оказывают, поэтому читателю остается только примириться с их присутствием.

Долго запрягаем, быстро ездим

Разговоры о том, чтобы поехать с Альбертом в Голландию, начались еще года три назад, после того как мы вместе съездили в Санкт-Петербург. Поездка выдалась забавной. Мы выехали из Стокгольма теплым весенним днем, но на таможне в Торфяновке температура была уже не выше чем плюс два.

Дул пронзительный балтийский ветер. Седые легкие волосы Альберта развевались над головой, словно нимб.

В конце концов он натянул теплую финскую кепку с ушами, замотал шарф потуже и заявил, что, по его мнению, он похож на наполеоновского солдата.

Альберт:...улепетывающего из России! А если без шуток, не стоит забывать, что Россия дважды спасла мою страну: от того, чтобы стать французской провинцией, – в тысяча восемьсот двенадцатом году, и от того, чтобы стать немецким захолустьем, – в тысяча девятьсот сорок пятом году. Нечего удивляться, что у голландцев особое отношение к России!

Как бы то ни было, нас ждал на своей даче в Керро под Санкт-Петербургом мой старинный друг Жора Праздников, профессор Института театра, музыки и кино, но Альберт об этом ничего не знал. Он ехал в неизвестность – в загадочную, опасную и манящую Россию. На добродушном лице его явственно читалась настороженность, когда мы с хорошей дороги свернули на похуже, с дороги похуже – на совсем плохую, а с плохой – на нечто такое, что и дорогой-то назвать нельзя.

Наконец, осторожно переваливая с ухаба на ухаб, мы добрались до места. На даче (правда, не во всех комнатах) было тепло, баня натоплена, ждал, как всегда, гостеприимный стол. Мы, промерзнув до костей на таможне, сладко попарились в бане, и я в который раз подивился системе подачи воды, по сложности сравнимой разве что с нью-йоркским метро.

Вообще мой друг Жора – большой перфекционист. Если он берется за что-то, то изучает вопрос досконально и потом делает все основательно и по последнему слову науки. Никогда не забуду, как в годы нашей молодости мы решили пойти на каток. Когда я зашел к нему, он сидел на диване и зашнуровывал ботинки с коньками. При этом он то и дело наклонялся, заглядывая в лежащую рядом книгу. Я посмотрел, что это за книга. Книга называлась «Как кататься на коньках».

И это при том что Жора когда-то был чуть ли не чемпионом города среди школьников!

Потом пришли соседи, мы выпили водки, закусили – и тут Альберт, как я и предвкушал, потряс общество своим знанием русских песен и романсов. Дело в том, что он сейчас с моей помощью усердно изучает свой шестнадцатый язык – русский. А у него свой метод занятий. Он первым делом учит наизусть все попавшиеся ему на глаза песни. Постепенно их набралось довольно много: и «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», и «Из-за острова на стрежень», и «Легко на сердце от песни веселой», и даже какая-то чайка, которой что-то там крыло серебрит. Его и двух Жоркиных соседок по даче нельзя было оторвать друг от друга – они пели без перерыва часа три. Симпатичная соседка Лиля предложила Альберту переночевать у нее, поскольку теплых комнат не хватало. Наутро, совершенно счастливый, ошеломленный естественным дружелюбием окружающих его людей, Альберт погладил испеченный Лилей пирожок и задумчиво сказал: «Мы обязательно съездим в Голландию... Но голландцы совсем другие». Я не стал ему говорить, что и русские не все «такие», – из патриотизма.

Альберт: Не скромничай! Такого гостеприимства, как в России, я не встречал нигде.

Обязательно надо свозить его в Грузию...

Несколько раз поездка срывалась, но на этот раз мы решили твердо – едем. И обязательно в сезон тюльпанов.

Недели за три до поездки Альберт начал приходить с картами, справочниками, фотографиями и альбомами, разрабатывал маршрут, спрашивал, что бы мы хотели увидеть. Мы сказали, что полностью доверяем ему в выборе маршрута, потому что кому как не ему знать, что надо посмотреть в Голландии! По его довольной физиономии было видно, что он тоже в этом уверен, а спрашивает просто так – из вежливости.

Наконец, все определилось: маршрут, схема финансирования – мы оплачиваем дорогу, Альберт – жилье. Дата отъезда – 28 апреля. Поначалу я сгоряча хотел проскочить весь путь от Стокгольма до Гауды, где Альберт заказал гостиницу, за один день, но потом стало ясно, что это очень тяжело и, как бы рано мы ни выехали, доберемся до места лишь глубокой ночью. Поэтому я позвонил Володе Крайневу в Ганновер и попросил пустить переночевать – как по дороге туда, так и обратно. Конечно, можно было остановиться в каком-нибудь мотеле, но как упустить случай повидаться, если есть такая возможность?! Тем более что в его доме места хватает. К сожалению, выяснилось, что Володю мы застанем лишь на пути обратно – у него как раз в эти дни были концерты в Лисабоне. Но возражений, как и надо было ожидать, не последовало – очаровательная и гостеприимная Володина мама Илечка сказала твердо: «Разместим!»

Рано утром 27 апреля наша собака, голден ретривер по имени Лиза, воспользовавшись неплотно закрытой дверью, проникла в спальню, ткнула меня влажным носом в локоть и, держа тапок во рту, произнесла на своем выразительном собачьем языке, хрюкая и постанывая, целый монолог: «Как же так, мы всю ночь не виделись, а ты тут валяешься, как какой-нибудь старый жирный бульдог!»

Отказать ей в таких случаях невозможно, поэтому я встал, накормил ее самыми изысканными собачьими деликатесами, и мы пошли гулять. Она, как всегда, носилась кругами, пугала ворон и то и дело приносила мне на экспертизу найденные ею довольно сомнительные с точки зрения гигиены предметы.

Вечером я с тяжелым сердцем отвез Лизоньку в собачий отель, а 28 апреля в пять часов утра мы покидали вещи в машину и тронулись в путь. Захватили Альберта и в первую очередь поехали на кладбище положить цветы – в этот день была годовщина смерти Ежи Эйнхорна, знаменитого шведского врача и общественного деятеля, с которым я очень подружился в последние два-три года его жизни, переводя на русский язык его замечательную книгу «Избранный выжить». Постояли немного у могилы. Было тихо и, несмотря на ранний час, довольно тепло. Воздух по-весеннему пах свежевзрезанным арбузом. Низкое еще солнце то вспыхивало ярко, то пряталось за темными вековыми елями. На плите по еврейскому обычаю лежали несколько камушков. Мы тоже положили камни.

Привычные шестьсот километров до Хельсинборга проехали за шесть часов, включая заправку и остановку на зеленой стоянке, где с аппетитом слопали испеченные моей женой Таней пирожки с капустой и яйцами, запивая горячим чаем из термоса.

По случаю субботы дороги были почти пустыми, ехать было легко и приятно, и в час мы уже грузились на паром Хельсинборг – Хелсинор. Хелсинор – это датский городок, выстроенный рядом с королевской резиденцией (Эльсинор!). Замок, где разворачивается действие «Гамлета», цел и невредим, его видно с парома, который преодолевает расстояние между Швецией и Данией за двадцать пять минут. Даже паром называется «Гамлет». Не сказал бы, что

от этого названия веет надежностью. Вспомнил, как наши доблестные авиаконструкторы в свое время назвали гигантский транспортный самолет «Антеем», забыв, по-видимому, что для этого героя греческих мифов оторваться от земли означало погибнуть. В именах и названиях есть своя метафизика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.